

ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ Т. ЗУМАКУЛОВОЙ. ПОЭЗИЯ ВЫСОКОЙ ДУХОВНОСТИ

Болатова (Атабиева) Асият Даутовна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), bolatovaatieva@mail.ru

В представленной статье намечен ряд исследовательских задач, связанных с выявлением специфики стиля Т.М. Зумакуловой, философской основы ее поэзии, новаторских решений, поэтических находок в трактовке этнической образной системы. В работе нашли отражение все те составляющие творческого процесса, которые формируют представление о характере мировосприятия и направленности авторского замысла. Фокус рассмотрения вбирает произведения разнопланового содержания и жанровой принадлежности. Придерживаясь принципа соразмерности, для полноты раскрытия заявленной темы выявляются значимые вехи творческого становления поэтессы, достижения на пути качественного обновления балкарской поэзии, расширения возможностей поэтики национального стиха, привнесения эффективных художественных моделей. Результаты исследования подтверждают закономерность признания таланта балкарской поэтессы в ряду корифеев национального словесного искусства.

Ключевые слова: творческая индивидуальность, лирическая субъективность, мифологизация, природная символика, ассоциативно-метафорическая поэтика.

Танзиля Мустафаевна Зумакулова – одна из наиболее ярких представителей эпохи и создателей основополагающих традиций национальной поэзии. Ее творчество является закономерным продолжением поэтического наследия именитых предшественников. Поэтессу нередко называют последователем и преемницей К. Кулиева. В некоторой степени это мнение справедливо (в книгах «Молчание» (1972) и «Сокровенность» (1974) прослеживаются его эстетические уроки), однако по характеру мироощущения и отражения действительности авторы разнятся. Произведения Т. Зумакуловой составляют качественно новый пласт лирической поэзии, отмеченной спецификой женского мировосприятия. Ее художественное дарование основано на необычайно чутком улавливании тончайших нюансов человеческой души и поэтизации природы.

Масштабность мыслей, чувств, переживаний, психологическая убедительность, цельность, новаторство проблематики снискали ей популярность, как в оценке литературной критики, так и среди читающей аудитории. Философско-психологическое осмысление жизни, концептуально целостное содержание произведений ставят ее творчество в один ряд с именами К. Кулиева, И. Бабаева, М. Мокаева.

Лирика Т. Зумакуловой, характеризующаяся гуманистическим взглядом на мир в самом высшем его проявлении, обратила на себя внимание людей разных народов и поколений, литераторов, собратьев по перу и рядовых читателей. Уже в первом поэтическом опыте (книга стихов «Цветы на скале» – 1959) проявились нестандартность мышления автора, вдумчивость и прочувствованность строк. Эти стихи наполнены жизнеутверждающим содержанием, и в формальном плане обозначили новые горизонты на пути обогащения балкарской литературы.

Т. Зумакулова удостоилась чести войти в число ярких представителей региональной и российской поэзии, что подтверждается многочисленными стихотворными сборниками автора: «Дым очага» (Нальчик, 1965), «Радуга над домами» (Москва, 1968), «Чирахтан» («Светильник» Нальчик, 1969), «Молчание» (Нальчик, 1972), «Кёз жарыгъым» (Нальчик, 1972), «Сайламала» (Избранное, Нальчик, 1975), «Жазыгусуз жазмала» («Непредвиденные письма» Нальчик, 1977), «Сокровенность» (Москва, 1980), «Старой песни новая строка» (Москва, 1977), «Весна в горах» (Москва, 1982), Избранное (Москва, 1983), двухтомное издание сочинений «Сайламала» (Нальчик, 1989) и мн. др. Их ценностный уровень подтверждает мысль о том, что в творчестве поэтессы сильны традиции национальной культуры в синтезе с опытом русской и восточной литератур.

Читая лучшие строки Т. Зумакуловой, приходишь к пониманию сути толстовского выражения о том, что «Поэзия есть огонь, загорающийся в душе человека. Огонь этот жжет, греет и освещает... Настоящий творец сам невольно, с страданием горит и жжет других» [Толстой 1983: 215]. Непременным условием значительности художественного творчества является злободневность, современное звучание произведений, что в большей степени зависит от социальной остроты содержания, широты охвата жизненного материала и концептуальной емкости. Лирическая субъективность Т. Зумакуловой не только соответствовала отмеченным критериям, но по тем временам во многом превосходила планку предъявляемых к творчеству требований. Поэтика ее произведений сочетала объективность в отражении действительности, романтическую возвышенность и глубину философского обобщения. В ней неизменна связь с национально-историческими, фольклорно-мифологическими источниками. В творчестве балкарской поэтессы имеет место осмысление таких моментов жизни и привычных реалий действительности, которые заставляют читателя по-иному взглянуть на мир («Сыплет небо белый снег», «Береза», «Злое слово», «В шапке из литого серебра»). Сказанное определяет своеобразие образной системы и смысловое наполнение ее поэзии. Художественные средства, отобранные автором, подсказаны тенденцией преемственности и индивидуальным поэтическим чутьем, обогащая опыт предшественников субъективным мировоззрением.

Символический ряд, составленный из архетипических образов *камня, цветка, дерева, горы* получает своеобразное художественное начинение. Особое место отведено образу *цветка*, ставшего своего рода маркером зумакуловской поэзии. Ассоциативно-метафорическая поэтика, основанная на анимистическом мироощущении, как особенность этнического мышления, явилась источником неожиданных сравнений, уподоблений, параллелей и олицетворений. Сказанное можно проиллюстрировать на примере таких произведений как «Стеклянная чаша», «Жизнь подобна океану», «Старое дерево». В специфической интерпретации естественных явлений человеческого бытия, в стремлении открыть в очевидном, лежащем на поверхности более глубокие, недоступные для многих грани и смыслы кроется источник притягательной силы строк Т. Зумакуловой.

Путь ее творческого становления убеждает в непреходящем значении поэтического слова. Показателен и удачен опыт поэтессы в нахождении новаторских путей в осмыслении характера современной ей эпохи в поэмах «Благодарность» и «Чужбина». Здесь более чем очевидны глубина философского содержания, искренность переживаний, умение автора ставить, решать эпические цели и задачи, акцентированно высвечивать проблемы, выдвигаемые самим временем. Обращение к теме психологии личности, нравственным истокам ее формирования характеризует содержание сборников «Светильник» и «Сокровенность». Не будет преувеличением сказать, что в этих книгах представлена поэзия высокой духовности. Ощущение основательности в решении нравственно-этических вопросов возникает вследствие глубинного психологизма. Выигрышны в этом аспекте стихотворения

«Старое дерево», «Цветок, растущий под расселиной», «Если радость, то я улыбаюсь». В подобных текстах заметно господство размышляющего начала, а также выпукло представлено лирическое «Я» Т. Зумакуловой. «Медитативность как высший показатель лирического рода» [Поспелов 1960: 64] прочно утвердился в творчестве балкарской поэтессы, основу которой составляет гуманистический идеал. Синтез лирического переживания и аналитичности преобразовывает традиционный лирический жанр в качественно новое явление, характеризующееся предельной осязаемостью и прочувзованностью. Этим обусловлено высокое общечеловеческое звучание поэтических строк Танзили Зумакуловой.

В своем стремлении облечь в художественную форму проблемы, волнующие современное общество, поэтесса достигает социальной типизации образа. Еще одним немаловажным акцентом в творчестве Т. Зумакуловой является то, что время как таковое выражено в его цельности, окружающий мир – в живом многообразии явлений, картин, событий, характеры героев – в совокупности психологических противоречий. Острое ощущение времени, философское осмысление действительности придают ее поэзии ту самую историческую перспективу, насыщают глубоким драматическим содержанием, объективируют переживания, чаяния, мысли и чувства человека XX века.

Многообразие текстовых вариаций подводит исследователей ее творчества к выводу о том, что у этого автора «нет пристрастия к однажды избранной или удачно найденной стихотворной форме» [Толгуров 1984: 206], поскольку поэтесса находится в постоянном поиске новых стилистических решений. Свои мысли и чувства Т. Зумакулова одинаково органично выражает в форме лирической исповеди (как пример – «Моя любовь»), в миниатюрах, тяготеющих к афоризмам («Жизнь – море, и волнуется оно»), в произведениях драматического содержания («Камень», «Сильный ветер»), больших сюжетных стихотворениях («Сказка»), в лирических и лиро-эпических поэмах. Такое взаимопроникновение жанровых форм позволяет поэтессе глубже постичь сущность эпохи, сакцентировать внимание читателя на женском мировосприятии. Стремление к отражению максимально возможных проявлений прекрасного, утверждению доброго начала в человеке, усилению реалистичности в воспроизведении действительности составляют приоритеты поэзии Т. Зумакуловой.

Неисчерпаемое богатство художественных средств с использованием всего лучшего, что заложено в мировой поэтической традиции, сложность и глубина ее творческой индивидуальности нашли отражение в различных исследовательских трудах (статьи З. Толгурова – «Цветы на скале», «Голос горянки», «Светлое слово поэзии», А. Теппеева – «Истоки красоты: Штрихи к портрету Т. Зумакуловой», «Кайсын и Танзиля»). В этом ряду следует выделить книги А. Теппеева «Зумакулова Т. Жизнь. Творческий путь» (1997, на родном языке), Т. Эфендиевой «Откровение» (1981). Одной из попыток комплексного изучения поэтического наследия Т. Зумакуловой явилась и наша первая монография («Лирика Танзили Зумакуловой: традиции и новаторство» – 2008), посвященная изучению художественного своеобразия ее лирики, выявлению новаторских подходов в решении темы. Вместе с тем, в многогранном творчестве поэтессы остается еще множество неизведанных глубин, и только совокупное рассмотрение всех имеющихся исследований будет способствовать более полному отражению специфики стиля, сущности «женской» лирики, отличающейся особой душевностью, искренностью чувств и эмоциональным накалом.

В стихах Т. Зумакуловой представлено целостное видение мира, в их содержании наблюдаются переосознание времени современником, ответственность отдельного человека за всеобщее, понимание связи между писателем и действительностью. На примере собственного творчества поэтесса демонстрирует усиление гуманистических и интернациональных мотивов, ориентированность на

объективное, правдивое отражение исторических реалий, переоценку ценностей. Нравственные поиски, раздумья о судьбе народа, необходимость осмысления социально-исторической проблематики обусловили усложнение стиховой композиции, подчеркнутое тяготение к реалистичности, обогащение художественных произведений жизненным материалом, тенденцию к психологическому анализу, исследованию человеческих характеров в соответствии с интенсивно меняющейся действительностью.

Если на этапе становления поэтической индивидуальности Т. Зумакуловой в ее поэзии доминировала «светлая» эмблематика, и читателю могло показаться, что голос художника не обременен серьезными философскими раздумьями, а стихотворения проникнуты идеей всепоглощающей доброты, то процесс формирования реалистического мировоззрения, глубокого осознания противоречий эпохи подводит автора к усложнению структуры и полифонии содержания. Характерная для советского периода тенденция к декларативности во многом определяла проблематику художественных произведений тех лет, как литература, так и искусство в целом оставались подвластными регламентированному творчеству. Т. Зумакулова оказалась одной из тех, кому со временем удалось преодолеть влияние нормативной эстетики.

Открытием стал созданный поэтессой образ хрупкого *цветка*, усилием воли пробивающегося к свету сквозь скальную твердь. Первый стихотворный сборник поэтессы так и называется «Къаяда гюлле» («Цветы на скале» – Нальчик, 1959), знаменуя собой возрождение народа, укрепившего характер в тяжелом труде, бедах и испытаниях, сумевшего вопреки жесткому идеологическому диктату выстоять, сохранить этническую самобытность, утвердить на собственном примере торжество добра и справедливости. «Парадоксально сочетание в образе цветка силы и слабости. Мотив хрупкой силы для поэзии Т. Зумакуловой весьма существенен» [Атабиева 2008: 90]. В дальнейшем этот удачно подобранный образ становится сквозным, повторяясь в последующих стихотворениях. Таков, к примеру, цикл «Близкие мелодии издадека», в котором указанный символ обрастает новыми метафорическими смыслами (образ цветка приобретает качественно иные характеристики, олицетворяя лирическую героиню).

Трудный исторический путь народа, а также личные впечатления и опыт автора, несомненно, накладывают отпечаток на создаваемые произведения. Социально-общественной ситуацией подсказаны тематика и идеи художественного творчества в последующие годы. В дальнейшем поэзия Т. Зумакуловой крепла и обогащалась, обнаруживая новаторские линии в аспекте реалистического освещения и объективной оценки исторической действительности 1960-х годов. Поэтесса постулирует гуманистическую философию, обобщая опыт народа, прошедшего горнило войны и трагедию депортации. Драматическим последствиям событий этнической истории посвящены такие произведения Т. Зумакуловой как «Голоса прошлого», «Девочка в день победы», «Хрустальная ваза». Эти стихотворения во многом автобиографичны, каждое из них представляет собой страницу жизни (воспоминания детства, опаленного войной), о чем красноречиво свидетельствуют следующие строки: «Я войне все детство отдала», «Жизнь моя несладко начиналась». Замечательны по контрасту применяемые художником метафоры: война уподобляется «*грохочущей яростной туче*», *хрустальная ваза* становится олицетворением земли и хрупкости мира. С этого момента противоречивые, драматически напряженные обстоятельства составляют основу поэзии Танзили Зумакуловой.

Военная тематика в творчестве автора отражена чаще всего посредством контраста. Таково, к примеру, содержание «Антивоенной поэмы», где тонкость композиционных рисунков и поэтическая символика создают зримость, конкретность образа эпохи: небо в осколках бомб, «оспины» на поверхности земли от разрыва

снарядов, мучительное ожидание почтальона противопоставлены запаху свежескошенного сена, безоблачным небесам, девушке, спускающейся за водой, журчанию горных рек и т.д. Все эти зримые детали подчинены утверждению мысли о хрупкости мира.

В лирике поэтессы своеобразным видится и преломление образа современника. Лирическая героиня приобретает такие духовные качества и нравственную целенаправленность, которые позволяют ей сочетать в себе черты матери, труженицы, общественного деятеля, в ней воссоздан облик женщины военного и послевоенного времени, разделившей со своим народом все тревоги, невзгоды и лишения. Она воспринимается как носитель лучших свойств национального характера. Размышляя о судьбе мира, горянка ощущает себя важным звеном общества, ответственным перед другими. Героиня Зумакуловой высоконравственна, обладает сильным характером.

*Захочу, из камня выжму молоко,
Золото найду в сухих песках.
...Доплыву до морских глубин,
Птицей взмою в небо ...*

(здесь и далее подстрочные переводы – А.А.)

Говоря об эволюции творческого дарования художника, важно отметить тот факт, что в ее произведениях сильны традиции балкарской, а в более широком аспекте – горской поэзии. Однако уже в 1960-е годы она выказывает стремление выйти на новый глобальный уровень, накапливая поэтический и жизненный опыт. Этим обусловлен выбор формы лирической медитации и философских раздумий:

*Как сложен и прекрасен мир!
Где-то солнце беззаботно светит,
Где-то тусклое садится.
Туман чернеет, небо хмурится,
Здесь – радость, там беда гнездится*

На первый взгляд в стихотворениях Т. Зумакуловой чувственное восприятие довлеет над логикой и разумом, но подобное впечатление обманчиво. Эти два начала теснят друг друга, и нужно обладать подлинным художественным дарованием, чтобы в равной степени соединить их в своем творчестве. Характеризуя ее поэзию, Д. Кугультинов писал: «Удивительные стихи – тонкие, пронзительные. Уметь чувствовать так может только талант высокого благородства» [Зумакулова 2009: 8]. Поэтесса проявляет способность физически прочувствовать боль сломанной ветки, срубленного топором дерева, проявлять участие семье, у которой горе, беспокоиться за старушку, что согнулась под тяжелой ношей. Облегчить чужие страдания поэтическое слово может только в том случае, если их автор сам в должной мере испытал настоящую боль. Благородная миссия творца заключается в том, чтобы принять на себя людские страдания – мотив, который внес в поэтику Т. Зумакуловой существенный смысл:

*Если, собрав всю радость
И беды на земле, скажут:
«Пусть выберет каждый, что хочет»,
Я выберу горе, ответив:
«Да будут моими и боль, и страдание»*

В поэзии автора многоликий мир познается в параллельном исследовании различных граней. Бытие в соответствии с закономерностями самой жизни распадается

на горе и радость, покой и мятежность. Борьба света и тени (при явном преимуществе доброго начала) лежит в основе первых ее произведений и продолжает развиваться в последующих.

Несмотря на то, что мотивы лирики Т. Зумакуловой в целом традиционны, поэтесса не дублирует их, не повторяется. Отмеченное качество можно проиллюстрировать на примере архетипического образа *камня*. В творчестве многих национальных авторов он прочно закрепился в качестве многозначного символа, олицетворяющего стойкость, сдержанность, мужество и терпение. В произведениях, созданных поэтессой в 70-80-е годы прошлого века, привычное значение этого образа существенно обновляется.

Оставаясь привязанным к национальному характеру, безмолвный камень по традиции наделяется монологической речью, способностью мыслить, чувствовать, страдать, выражать свое отношение к происходящему вокруг (это заметно в следующих строках: *«И я чернею от душевной боли, // Я замираю, памятником став»*). Образ камня становится выразителем мыслей автора о сущности бытия, душевных устремлений человека и нравственных принципов. Однако Т. Зумакулова вкладывает в него новое содержание: он предстает взору читателя в роли живого, разумного существа, впадающего, как и человек, из одной крайности в другую. Камень способен быть одновременно добр и непокорен, смиренен и строптив, выдерживая то, что не под силу человеку (таков камень, подставивший себя кирке). Разочаровавшись однажды или испытав несправедливость, камень может превратиться во всепоглощающую стихию, низвергаясь с высоты, беспощадно крушить все на своем пути, хотя терпение его и слывет «каменным» (*«Но стоит лишь сдвинуть с родной земли, // Поймете, что способен выйти из терпения я»*). «Мятежность, скрытая в покое» ощущается в каждой детали. Камень становится воплощением неуправляемой, стихийной мощи. Автор формирует в сознании читателя особое представление о привычном, высвечивая ранее не подмеченные свойства.

Создавая условные образы путем «предметной детализации и чувственной цельности показа» [Поспелов 1960: 138], поэтесса сосредотачивает свое и читательское внимание на самой выразительной черте предмета, через которую просвечена вся цепь ассоциаций, так достигается их наибольшая рельефность.

Одним из эффективных способов творческого усвоения традиции является мифологизация. Обращение к мифу зависит от интеллектуального уровня художника, предполагает зрелость художественного мышления и способствует максимальной реализации потенциала поэтической индивидуальности. «Творческое использование мифа помогает глубже постичь национально-бытийное, конкретизировать общечеловеческое, вневременное, ведет к обогащению поэтики» [Толгуров 1991: 269]. Миф в поэзии Т. Зумакуловой многофункционален. Потребность в раскрытии заключенного в предмете или явлении эстетического содержания, стремлением выработать необходимые духовно-нравственные ориентиры обусловлена употребительность приема мифологизации в творчестве автора. «Поэтику ее произведений характеризует употребление мифологических образов *солнца, земли, дождя, дерева, горы, огня, ветра, воды, очага*, исполненных печальной философской медитативности» [Атабиева 2008: 88]. В подобном ракурсе рассматриваемы: стихотворение «Стеклянная чаша», поэма «Беспокойная земля» (*земля, планета*), циклы «Четыре просьбы», «Радость любви» (*море, солнце*). Сюжетная экспозиция отмеченных произведений формируется путем отбора сравнений, усиления метафоричности и трагического контраста. Надо сказать, функциональность поэтической символики не исчерпывается внешне пластическим изображением, они становятся средством создания объективного представления о мире. Условность в данном случае играет роль «увеличительного стекла», преломляющего действительность.

Элементы персонификации обнаруживаются и в содержании больших сюжетных стихотворений, вместивших в себя выразительные средства лирики, эпоса и драмы. Метафоричность присуща содержанию философско-лирических пейзажей («Яблоня», «Деревья»). Традиционный для национальной поэзии образ *дерева* преподносится здесь как символ бескорыстного служения людям. Среди цветущих, дарующих сочные плоды растений взгляд художника останавливается на высохшей, неприметной яблоне с почерневшей кроной. Трогательны ее воспоминания о былой красоте и пышности листьев на ветвях. Автор глубоко сочувствует дереву, мечтающему вновь зацвести и радовать глаз. Трагизм содержания усиливается осознанием невозможности вернуть утраченную молодость. Яблоня смиренно подставляет себя топору, понимая, что конец неотвратим. Рассказ плавно переходит в драму: срубленное дерево, потрескивая горит в очаге, даже смертью стремясь нести добро. Прервав рассказ на такой печальной ноте, поэтесса не сумела бы в полной мере раскрыть основную идею произведения, поэтому художник завершает его словами: «*Даруя нам последнее тепло, // Сгорев, остынет, превратится в пепел. // Вот бы и мне так светло умереть!*». Отслеживая весь жизненный цикл дерева от цветущей, беззаботной юности до старости и неизбежного увядания (ступенчатое развитие образа), поэтесса улавливает малейшие оттенки его переживаний, процесс трансформирования психологии, метаморфоз сознания. Удачным является передача контрастирующих картин. В пору своего расцвета дерево радуется солнцу, пению птиц, щедро дарит уставшим путникам благодатную тень и плоды. В старости же оно перевоплощается в злобное, завистливое существо, и отношение к миру в корне меняется:

*Когда цветут зеленые деревья,
Ты роняешь на них свою тень,
А им тепло и свет необходимы.
Стоишь в одиночестве,
И даже птицы, не садясь,
К тебе питая жалость, пролетают.*

В подобных стихотворениях очевидно искусство подтекста, в едином образе заключены противоречивые значения. Многие произведения поэтессы можно определить как стихи-символы, на что указывает тенденция к использованию приемов мифологизации. Мысль также развивается ступенчато, находя выражение в последующих картинах. В произведениях Т. Зумакуловой легко выявляются рефранные мотивы, сюжетные ходы, структурные модели, заметна некоторая цикличность образа. Этот факт объясняется не столько общностью героя или объекта изображения, стихотворения объединены общей историей и поданы в определенном контексте. Именно такой подход к индивидуальному творчеству позволяет высвечивать жизненные конфликты, а однажды обрисованному художественному образу обрести трансцендентное звучание, переходя в разряд обобщающего символа. Так произошло с раненым камнем в поэзии К. Кулиева, деревом и цветком в творчестве Т. Зумакуловой и А. Кешокова, образом дороги у К. Отарова, обелиска у И. Бабаева и т.д. Из таких ярких примеров собственно и складывается специфика национальной поэзии.

Многомерное поэтическое зрение, выявление глубинного, скрытого содержания – яркая особенность Т. Зумакуловой. Интересными образцами индуктивной лирики служат стихотворения, вошедшие в сборники «Сокровенность» и «Непредвиденные письма». Привлекая предметное богатство мира в качестве единичной ситуации, поэтесса находит широкие возможности для выражения индивидуального содержания. При этом следует отметить «увеличение удельного веса лирики» [Сучков 1978: 243] в ее творчестве. Поскольку поэзия является результатом

совмещения реалистического представления человека о мире и его субъективно-го восприятия, то поэтическая деятельность определяется как слагаемое «двух элементов: объективного, представленного миром внешним, и субъективного, зоркости поэта – шестого чувства, не зависящего ни от каких других качеств художника» [Фет 1859: 75]. Наиболее характерными идеями, воплощаемыми в лирике Т. Зумакуловой, являются мотивы жертвенности, служения добру, вечного обновления, духовного бессмертия и, безусловно, тема исторической памяти. Поэтесса ощущает себя одним из звеньев непрерывной цепи, частицей в круговороте явлений:

*И я сойду, как этот снег,
Покину мир, с землей сравняюсь.
Другие встретят белые рассветы,
Увидят новые снега.
Хотя, кто знает, может вновь
Я оживу, чтобы узреть родную землю,
Пробьюсь травой зеленою в горах,
И снег меня напоит, умирая.*

Примером вечной устремленности к добру представлено *зерно*, в служении всему живому оно видит свое первичное предназначение. Предметом философских раздумий художника становится и бренность человеческого существования («Мы лишь гости в этом мире», «Ни век, ни вечность», «К концу пути»). Подобные стихотворения иллюстрируют тяготение поэтессы к раскрытию категорий «трагического» и «прекрасного». Можно обладать всеми способностями известного поэта, но не иметь его зоркости и чутья, однако наблюдения Т. Зумакуловой – доказательство наличия творческой интуиции и развитого ассоциативного мышления. Природа для нее не «бездушный лик», земля – вовсе «не пылинка в бездонном космосе», привычный горный пейзаж (каменное величие утесов, гордый силуэт двуглавого Эльбруса, тяжелые громады скал, романтически представленные в поэзии А. Пушкина и М. Лермонтова) у Зумакуловой прочитывается несколько иначе. Так, в «Антивоенной поэме» горы представляются взору читателя заломленными руками земли, «*просящей у небес мира для ее детей*». Еще одна гора, как добрый великан, склонилась над балкарцами, чтобы укрыть их от грядущих горестей, защитить от бед. Нет необходимости говорить о силе поэтического воздействия подобных образов.

Для поэтессы характерно частое обращение к читателю-собеседнику, который является не просто созерцателем происходящих перемен в душе лирической героини, автор заставляет сочувствовать судьбе своих персонажей, проникнуться их эмоциональным состоянием, глубже прочувствовать настроение, душевные порывы.

В лирике Т. Зумакуловой мудрость равнозначна печали, что тоже неслучайно. Воспевая благородство человеческого духа, возводя человека на высшую ступень, автор не прощает ему слабостей, ошибок и пороков. Ее поэзия вдохновляет современника, вселяет в него веру, очищает от цивилизованного эгоизма и равнодушия. В этом всеобъемлющем сердце художника сосуществуют два разных полюса жизни («Добро и зло», «Счастье и горе», «Сорняк»), ведь отличительной чертой подлинной поэзии является диалектическая сущность. Стихи Т. Зумакуловой, соответствуя своеобразной поэтической логике, в большинстве своем строятся как преодоление устоявшихся представлений, отрицание негативного, неприятие насилия в современной действительности, осознание необходимости постоянного обновления. Автору свойственна та самая «погруженность в мысль», которая, по определению В. Кожина, имеет своей целью «утверждение мысли как человеческой силы и ценности, в которой логика, этика и эстетика – то есть истина, добро и красота – слиты нераздельно и органически» [Кожин 1980: 53]. Следуя этому

принципу, поэтесса продолжает создавать новое, с каждой последующей книгой («Прохлада гор», «Дым очага», «Радуга над домами», «Светильник», «Молчание»), поднимая планку, намечая путь в будущее.

Показателем роста художественного мастерства Т. Зумакуловой явилось обращение к большой эпической форме. В ее многогранном творчестве получили должное развитие стихотворный цикл («Песни Назыма Хикмета»), лироэпическая («Антивоенная поэма», «Нюржан», «Ханий и пророк», «Чужбина») и лирическая («Благодарность») поэмы, характеризующиеся богатством жанрово-тематического, стиливого диапазона. Поэтесса достигла весомых результатов на пути обновления концептуального содержания и обогащения поэтики национальной литературы.

В творчестве автора обозначен широкий спектр художественных задач, направленных на создание многомерного содержания, придания стиху звуковой экспрессии и смысловой объемности. Несомненно новаторство поэтессы в выборе приемов ритмической модуляции стиха, нечастым явлением в те годы были, скажем, используемая поэтессой строфика, сложные способы рифмовки (корневая, составная, омонимичная). Ранее поэты наряду с точными созвучиями удовлетворялись приблизительными (не образующими рифмы) окончаниями, а иногда облегчали себе задачу обращением к глагольной рифмовке, к формам двустипшия либо малым строфам. Т. Зумакулова смело выбирает свободный стих, астрофическую форму, не подлежащую разбивке на определенные группы строк, демонстрируя тем самым значительное богатство рифм и ритмическое многообразие. Тяготение художника к ассиметричной и составной рифмам «знаменует собой освобождение звуковой валентности от смысловой связи» [Якобсон 1987: 309]. Наряду с поэзией М. Мокаева, И. Бабаева ее творчество способствовало определению перспектив дальнейшего развития национального стихосложения. Поэтические находки автора послужили целям обновления и обогащения формально-содержательного компонента балкарской поэзии, поэтому в общей панораме развития национальной литературы, в ряду признанных мастеров поэтического слова ей отводится достойное место.

В настоящее время поэтесса плодотворно работает над обновленными изданиями поэм и сборников стихотворений. За прошедшие два десятилетия опубликовано множество книг разнопланового содержания. Это: «Жашау череги» («Река жизни») – Нальчик, 2002, «И жизнь, и песнь моя для вас!» – Нальчик, 2009, «Сайламанла» (Избранное) – Нальчик, 1994, двухтомные издания избранных произведений (Нальчик, 2005 и 2015 годы), а также трехтомное собрание сочинений (Нальчик, 2016). Тематический диапазон отмеченных сборников довольно обширен. Время закономерно вносит свои коррективы, насыщая лирику Т. Зумакуловой свежими мотивами и кругом проблем, актуальных на современном этапе. Одно остается неизменным – поэтесса, как и прежде, обращается к настоящей и прошлой жизни своего народа, увековечивая в стихотворных строках его насыщенную драматизмом историю. Лиризм ее современной поэзии очерчен глубокими раздумьями о дальнейшей судьбе мира в эпоху глобальных перемен, о месте человека в нем.

Т. Зумакулову можно по праву назвать поэтом высокой духовности, поскольку ей удается органически совместить в едином информационном поле прошлое и современность, утверждая примером собственного творчества непрерывную цепь преемственности поколений.

Источники и литература

1. *Атабиева А.Д.* Лирика Танзили Зумакуловой: традиции и новаторство. Нальчик: Эльбрус, 2008. 128 с.

2. Танзиля Зумакулова. И жизнь, и песнь моя для вас! Избранные стихотворения и поэмы. Нальчик: Эльбрус, 2009. 496 с.
3. Кожин В. Стихи и поэзия. М.: Советская Россия, 1980. 304 с.
4. Поспелов Г.Н. О природе искусства. М.: Искусство, 1960. 204 с.
5. Сучков Б.Л. Действенность искусства. М.: Советский писатель, 1978. 360 с.
6. Толгуров З.Х. Формирование социалистического реализма в балкарской поэзии. Нальчик: Эльбрус, 1984. 250 с.
7. Толгуров З.Х. В контексте духовной общности. Нальчик: Эльбрус, 1991. 285 с.
8. Толстой Л.Н. Собрание соч. в 22 тт. М.: Художественная литература, 1983. Т. 13. 327 с.
9. Фет А. О стихотворениях Ф. Тютчева // Русское слово. № 2. М., 1859 [Электронный ресурс] URL <http://www.sobolev.franklang.ru> (дата обращения: 22.04.2020).
10. Якобсон Р. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 464 с.

CREATIVE WORKSHOP OF T. ZUMAKULOVA. POETRY OF HIGH SPIRITUALITY

Bolatova (Atabieva) Asiyat Dautovna, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Sector Karachay-Balkarian Literature of the Institute for Humanities research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), bolatovaatabieva@mail.ru

The article outlines a number of research tasks related to explaining the specifics of the style of T. M. Zumakulova, the philosophical basis of her poetry, identifying innovative solutions, poetic findings in the interpretation of the ethnic image system. The work reflects all the components of the creative process that form an idea of the nature of the perception of the world and the direction of the author's idea. The focus of consideration includes works of diverse content and genre affiliation. Adhering to the principle of proportionality, for the full disclosure of the stated theme, significant milestones of the poetess's creative development, achievements in the way of qualitative updating of Balkar poetry, expanding the possibilities of national verse poetics, and introducing effective artistic models are identified. The study confirms a pattern recognition Balkar poet among the leading figures of the national literary art.

Keywords: creative individuality, lyrical subjectivity, mythologization, natural symbolism, associative-metaphorical poetics.

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-2-45-100-109